

Лада ПРОКОПОВИЧ

Сказки для детей и взрослых

ЗВЁЗДНЫЕ СКАЗКИ ОДЕССКИХ ПЕСЧАНИКОВ

Тёплая, нежная волна мягко накатилась на камень-окатыш, в очертаниях которого угадывались две фигурки — матери и ребёнка. Ребёнок прильнул к маме, обнял её и попросил:

— Мам, расскажи сказку.

— А что, уже вечер? — спросила мама, удивлённо скосив глаза на ближайший топчан, который отбрасывал длинную тень.

"Надо же, как быстро день пролетел, — растерянно подумала мама. — А ведь всего-то и успела, что водоросли постирать да песок перебрать. А ещё ужин готовить..."

— Мам, так ты расскажешь сказку?

— Да, да, сынок...

"А что же приготовить?... Холодец из медуз? Нет, вчера был. Мидий в панцирях? Так их с утра надо было собрать, чтоб на солнышке подвялились. Креветку, фаршированную арбузом? Тоже отпадает: пляжников сегодня было мало, арбуз никто не ел..."

— Мама! Ты же обещала!

— Прости, сынок, задумалась.

Мама улыбнулась, погладила сына по голове.

— Какую же сказку тебе рассказать?

— Новую.

— Да где ж я тебе возьму новую? — изумилась мама.

— Придумай.

— Ты полагаешь, это так просто?

— А что тут сложного? Сидишь и говоришь: "В некотором царстве, в далёком государстве жили-были..."

Сын запылился.

— Кто жили-были? — усмехнувшись, спросила мама.

— Не знаю, — пропытел, наморщив лобик, сын.

— Эх, ты, сказочник! — рассмеялась мама. — Вот, смотри, камень лежит, загорает. На кого он похож?

Малыш присмотрелся. Задумался.

— На горностая!

— Хорошо, — похвалила мама. — А вон тот, большой?

— На медведя.

— Отлично. Вот и давай сочиним про них сказку...

— Я сильно извиняюсь, — перебил маму большой камень, — но позвольте уточнить: я похож не просто на медведя, а на белого медведя. Мне все об этом говорят.

— Конечно, конечно, — быстро согласилась мама. — А вы не будете возражать, если мы придумаем про вас сказку? Ну, то есть... используем ваш образ...

— Та ради бога, мадам! — с приятным черноморским акцентом воскликнул камень-медведь. — Жарьте! А мы послушаем. Эй, Горностаич, ходь сюды. Тута сказку про нас баять будут.

Мама подождала, пока камень-горностай подкрадётся поближе, набрала в поры возду-

ха, чтобы произнести вступительное "жили-были...", как вдруг за спиной услышала топот и отчаянный, с придыханием, крик:

— Погодите! Не начинайте!

Все посмотрели в сторону крика и увидели, что к ним бегут (если это можно так назвать) два камня-бегемота: камень-бегемотиха и камень-бегемотик.

— Не торопитесь, я подожду! — участливо крикнула мама. — Без вас не начнём.

Дождавшись, когда камни-бегемоты до них доберутся, мама добавила:

— Тем более что вас я тоже намерена вписать в мою сказку.

Маленький бегемотик смущённо зарумянился, а бегемотиха, с трудом переводя дыхание, воскликнула:

— Вот спасибо! Войти в сказку нашей местной Шехерезады — это... это... даже не знаю, что! Вот, вам, кстати, гостинчик. Пирожки с банановой начинкой. В качестве гонора, так сказать. Нет, ну надо же! Каменюка-Венерка лопнет от зависти!

— А она к нам не присоединится? — поинтересовалась мама.

— Та не! У неё там... дела амурные.

— Понятно, — вздохнула мама. — Ну что ж, впишем её в другую сказку. А сейчас обойдёмся наличным составом. Итак, жили-были...

Жили-были Маленький Бегемотик и его мама Бегемотиха. Правда, маленьким Бегемотик выглядел только рядом со своей мамой. На самом же деле это был уже почти взрослый парень, который ходил в школу. В пятый "А" класс. Из школьных предметов ему больше всего нравилась астрономия. Он так увлёкся этой наукой, что упрости маму купить телескоп, а папа прислал ему из командировки роскошный астрономический атлас.

По ночам Бегемотик мог часами любоваться звёздным небом, наблюдая его в телескоп или просто задрав голову, а днём внимательно изучал атлас, выискивая в нём очертания новых созвездий.

И всё бы хорошо, да только оказалось, что Бегемотик — парень не только любознательный, но и творческий. А в творчестве своём — слышком уж независимый, если не сказать — безбашенный. Во всяком случае, так считал его учитель — Горностай Песчаникович.

Это он, Горностай Песчаникович, ворвался однажды в кабинет директора — Белого Медведя — со словами:

— Этот ученик — мелкий сумасброд! Это ж надо было до такого додуматься! Кем он себя возомнил?! Да как у него...

— Пойдите, коллега, — прервал учителя директор. — Успокойтесь. И объясните толком: что стряслось?

Но Горностаю Песчаниковичу трудно было

сразу так взять и успокоиться. Его переполняли смешанные чувства: любовь к талантливому ученику и досада на его непредсказуемые выходки.

— Своенравен, шельмец! — бушевал учитель, размахивая перед носом директора тонкой ученической тетрадкой. — Ох, своенравен!

— Ну, зачем же так резко? — улыбнулся директор, отстраняя от лица тетрадку. — Да, мальчик он у нас непростой. Но когда он с каждой олимпиады по астрономии привозит очередную победу... Знаете, что говорят о нашей школе? Говорят, что будет неувидительно, если из её стен выйдет второй Николай Коперник. Или Джордано Бруно.

— Ага, — горько усмехнулся учитель, — говорят. И небось уже и костерок разводят.

Директор нахмурился.

— Не пойму я вас что-то, Горностай Песчаникович. Ведь в этом же и ваша заслуга. Мало кому дано раскрывать в детях научный талант. Поют, танцуют, бумбоят сейчас все.

— Бум... что? — не понял учитель.

— Вот как серьёзно отстали вы от жизни, коллега, — назидательно заметил директор. — Бумбоек — это... Гм... как бы это объяснить?.. В общем, как попугаи или скворцы воспроизводят разные звуки, так и бумбоксеры, пользуясь только своим голосовым аппаратом, воспроизводят... как бы музыку. То есть что-то типа "бум-бум, бум-бум"... Отсюда и название. Я так думаю. Сейчас это очень модно среди молодёжи.

В общем, музыкальных талантов нынче море. Телевизор уже невозможно смотреть: как ни включишь, обязательно нарвёшься на какое-нибудь шоу, где юные дарования удовлетворяют амбиции своих родителей. А вы, дорогой мой Горностай Песчаникович, детей к науке привлекаете. Вы...

— Я, конечно, я, — покаянно опустил голову и тихо заговорил учитель. — Если в этом кто и виноват, то только я...

— Да что ж вы из крайности-то в крайность?! — всплеснул директор. — Так, вы медленно, сию же минуту говорите мне, что случилось, или идите вы... пить валерьянку!

Учитель, не найдя в себе сил уже что-либо говорить, молча шлёпнул ученическую тетрадку на директорский стол.

Директор взял её, раскрыл. И стал зачитывать вслух подчёркнутые красными чернилами строки:

— Созвездия Большого и Малого Бегемотов являются одними из...

Директор прервал чтение. Озадаченно кашлянул в кулак.

— Пойдите, — сказал он, — а что это за созвездия Большого и Малого Бегемотов?

— Это он так назвал Большую и Малую Медведицу, — охотно пояснил учитель.

Директор посмотрел на него удручённое лицо, ещё раз взглянул на каракули в тетрадке и... расхохотался. Расхохотался так, что сте-

ны его кабинета задрожали, а стёкла в окнах и шкафах задребезжали.

— Я всегда говорил, что чем тише и очкастее ученик, тем больше с ним надо быть на чеку! — заметил директор сквозь смех. — Не пойму только, почему вы так близко к сердцу принимаете эту выходку? Ну, похулиганил мальчишка. Дал своё название созвездию. Самому ж созвездию хуже от этого не стало: звёзды с траекторий своих не сошли, не потухли, не взорвались... Подумаешь, Большой и Малый Бегемоты. Вам-то что?

— Мне? — переспросил Горностай Песчаникович таким тоном, словно только сейчас осознал, что и в самом деле устроил бурю в стакане воды. — Да, в общем-то, ничего. Если не считать, что я в его возрасте дал этим созвездиям другое название.

— И какое же? — полюбопытствовал директор.

— Большой и Малый Горностай, — ответил учитель.

Директору стоило огромного труда вновь не расхохотаться. Но он собрался с духом и спокойной, уважительно даже, произнёс:

— Вот видите, какого достойного себе ученика вы воспитали.

Учитель, не найдя, что на это возразить, взял со стола тетрадь и направился к выходу.

— Да, — сказал ему вслед директор, — и не забудьте, что на всю следующую неделю я должен вам пропуск в университетскую обсерваторию. Вам и вашему... Малому Бегемоту.

Горностай Песчаникович вышел из кабинета директора, когда школу уже окутала бархатная южная ночь. Он посмотрел на небо, и первое, что увидел, — созвездия Большой и Малой Медведицы.

Да, как ни странно, звёзды этих созвездий были по-прежнему на своих местах. Только... только сверкать они стали чуточку ярче.

Или учителю это показалось?..

Мама умолкла. Она не любила заканчивать сказки традиционными "вот и сказочке конец, а кто слушал — молодец" или, того хуже, "жили они долго и счастливо". Мама предпочитала заканчивать сказки вопросом. Или многоточием.

Вот и сейчас из-за того, что слушатели не сразу поняли, что уже конец, после многоточия наступила тишина.

И на фоне этой тишины особенно отчётливо прозвучали слова её сына:

— Совсем как у нас.

— Что как у нас? — насторожилась мама.

— Звёзды сегодня сверкают ярче, — пояснил сын.

Мама и все герои её сегодняшней сказки подняли головы. И первое, что увидели, — созвездия Большой и Малой Медведицы.

Или всё-таки Большого и Малого Бегемотов? Или Большого и Малого Горностаев? Или...

СКАЗКА НА НОЧЬ

— Сегодня будем читать про Русалку, — решительно сказал Паша маме, деловито водя пальцем по оглавлению книги.

— Про Русалку, так про Русалку. Страница двадцать шесть, — сказала мама и раскрыла книгу на нужной странице.

Паша сел поближе и приготовился слушать.

Но мама медлила. Во-первых, болело горло, а во-вторых... Во-вторых, она опасалась, что чтение этой сказки опять закончится слезами. Два дня назад до её сына дошёл смысл этой истории, и теперь он никак не может смириться с её концом. Каждый раз он плачет, когда мама читает, как Русалочка превратилась в морскую пену, а на следующий день снова требует эту сказку, надеясь, вероятно, что на этот раз конец будет другим. Но конец всегда один и тот же.

И сегодня Русалочка опять превратилась в пену.

— Мне её жалко, — сдавленным голосом произнёс Паша.

В его покрасневших глазах уже стояли слёзы, готовые вот-вот брызнуть фонтаном. Вернее, двумя фонтанами. И не метафорически, а вполне реальными, буквальными фонтанами. Вот уже четыре года мама наблюдает это природное явление и не перестаёт удивляться.

— Мне тоже жаль Русалочку, — отозвалась мама, в глубине души всё же радуясь, что её сын оказался способным на настоящее, неподдельное сопереживание. — Всем, кто читает эту сказку, всем и всегда жалко Русалочку.

— Почему она превратилась в пену?

— Потому что принц на ней так и не женился.

— А почему он на ней не женился?

— Потому что он думал, что обязан жениться на принцессе, которая его спасла. Он же не знал, что на самом деле его спасла Русалочка. А сама Русалочка ему об этом сказать не могла, ведь у неё не было голоса...

Мама говорила и говорила, надеясь как-то заговорить его, успокоить потоком слов, которые она старалась произносить мягко, певуче. Но на Пашу это не действовало. Он отчаянно разрыдался и, уткнувшись в подушку, повторил:

— Мне её жалко.

И тут мама поняла, что за эти два дня её сын вырос из того возраста, когда его можно было ублажать чем-то бессмысленным, но мелодичным. Теперь он вникал в суть. Требовал объяснений, восстанавливал против несправедливости. Восстанавливал всей силой своей детской души. Детской, но уже не маленькой. Далеко не маленькой. Маленькая душонка никогда бы не заплакала от жалости к Русалочке, погибшей от неразделённой любви.

— Но она потом оживёт?

У мамы не хватило сил сказать "нет".

— Не знаю, — сказала она, отводя глаза в сторону.

Пашу этот ответ не успокоил. Его по-прежнему душили слёзы. И не столько слёзы, сколько, очевидно, то, что он ещё не умеет высказать всё, что так болит и тревожит. Мама, конечно, понимает его и без слов, но...

— Но что поделаешь, зайка, — говорит она, — такая сказка. Такой её придумал Андерсен. Ганс Христиан. Он решил, что не все сказки должны быть с хорошим концом.

Маме ещё хотелось добавить, что это

тоже ещё вопрос: какой конец считать хорошим, а какой — плохим. Кто знает, что стало бы с Русалочкой, выйди она замуж за принца?.. Может, уже через полгода прибежала бы опять к ведьме и умоляла бы: "Преврати меня хоть в пену морскую, хоть в тину болотную, только избавь от этой жизни семейной! От принца-бабника, от родни его многочисленной и на редкость скандальной..." И ещё неизвестно, что ей на это ответит ведьма. Или цену заломит такую, что никакого полцарства не хватит, или вообще скажет: "Извини, дорожка, но развод не предусмотрен контрактом". Что тогда делать? Кому плакаться? К кому обращаться за помощью? К юристам-пираньям? К придворным-пиявкам?.. Или к папе, царю морскому? Но он сразу сказал: "Поменяешь хвост на ноги — отрекусь". Кому ты теперь нужна со своими проблемами?!

А так... пена морская. Булькой себе безмятежно, покачиваясь спокойно на волнах... Слушай крик чаек, любуйся южным солнышком... Набегай с волной на берег и перекачивай разноцветные камешки...

— Это неправильно, — донёсся сквозь шум прибора голос Паши.

— Что неправильно? — не поняла его мама, мысленно всё ещё перекачивающая разноцветные камешки.

— Неправильно, что она стала пеной.

— Да, но... я же тебе объясняю, — проговорила мама, медленно выходя из задумчивости, — не все сказки заканчиваются хорошо.

Не зная, что ещё добавить, она погладила сына по спине, ощущая под мягкой тканью пиками каждый его позвонок.

Паша потёрся щекой о её плечо и, будто всё уже окончательно решил, сказал:

— Она опять станет Русалкой.

— Да каким же образом? — растерялась мама.

— Ведьма ей поможет. Она её пожалеет. Вот! Вот он, спасательный круг. Мама вцепилась в него двумя руками.

— Отличная идея, — воодушевлённо заговорила она. — Вот вырастешь — и придумаешь своё продолжение этой сказки. Думаю, Андерсен, Ганс Христиан, не обидится.

— Какое продолжение?

— Ты же сам сказал: ведьма её пожалеет и опять превратит в Русалочку.

Паша перестал шмыгать носом и задумался.

— Ещё ей друзья должны помочь, — сказал он, вытирая со щёк остатки слёз.

— Какие друзья? — озадачилась мама, читавшая разные варианты этой сказки, но не припоминающая, чтобы у Русалочки было особенно много друзей.

Но Паша над этим не задумывался. Он уже успел усвоить, что у человека должны быть друзья. Должны быть. Это аксиома.

— Разные друзья, — пояснил он маме. — Другие русалки, дельфины, киты...

— Точно, — подхватила мама, явно увлекаясь идеей. — Они расскажут принцу, что это она, а не та принцесса, самозванка, его спасла.

— И он на ней женится.

— Да, — кивнула мама. — И они будут жить долго и счастливо.

— А ведьма будет приходить к ним гости... — ...пить чай с песочным печеньем и рассказывать их детям сказки.

Такое развитие событий Пашу вполне устраивало. Слёзы высохли, глаза прояснились, и на губах заиграла улыбка.

— Теперь спи давай, — сказала мама, укрывая его одеялом и целуя в щёчку. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мама.